

Социалисты-революционеры в эмиграции о проблемах партийной истории (1920–30-е гг.)*

В статье рассматриваются трактовки истории партии социалистов-революционеров, данные самими эсерами в заключительный, эмигрантский период их существования. Характеризуются особенности эсеровской эмиграции после октября 1917 г., ключевые моменты ее формирования и развития. Отмечаются неоднократные попытки написания партийной истории, внимание к этому вопросу видных деятелей партии. Выделяется анализ проблем партийной истории во время полемики вокруг судебного процесса 1922 г. над лидерами ПСР, а также на конференции пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. Исследуются основные подходы эсеров-эмигрантов к деятельности партии в 1917–1920 гг., период революции и Гражданской войны, выделяются причины неудач ПСР в политической борьбе. Подчеркивается влияние эсеровских оценок на последующее развитие зарубежной историографии.

The article discusses the interpretation of the history of the party of socialist revolutionaries, data by the SRS in the final, the emigrant period of their existence. Characterized by the features of the socialist revolutionary emigration after October 1917, the key moments of its formation and development. Marked by repeated attempts of writing party history, attention to the issue of eminent party members. Outstanding issues in the analysis of party history during the controversy surrounding the trial of 1922 over the leaders of the PSR, as well as at the conference of the Prague group of the party of socialists-revolutionaries 1931. Approaches were investigated SR-emigrants to the activities of the party in 1917–1920, the period of revolution and civil war, highlighted the reasons for the failures of the PSR in the political struggle. Underscored the revolutionary impact of evaluations on the subsequent development of foreign historiography.

Ключевые слова: партия социалистов-революционеров, эмиграция, революция, Гражданская война, историография.

Keywords: the party of socialists-revolutionaries, emigration, revolution, civil war, historiography.

С первой половины 1920-х гг. основная деятельность партии социалистов-революционеров протекала в эмиграции. В Советской России оставались разрозненные подпольные группы, подвергавшиеся постоянным преследованиям. Несмотря на то, что руководство ПСР крайне отрицательно относилось к наличию значительной эсеровской эмиграции, за границей после октября 1917 г. в конце концов оказалось довольно много видных деятелей ПСР, в том числе В. М. Чернов, Н. Д. Авксентьев, Е. К. Брешко-Брешковская, М. В. Вишняк, В. М. Зензинов, Е. Е. Лазарев, О. С. Минор и др.

В то же время формирование эсеровской эмиграции после октября 1917 г. имело свои особенности. В отношении членов ПСР (в отличие от социал-демократов меньшевиков), как правило, не практиковались высылки за границу. ЦК ПСР, избранный на последнем IV съезде партии (ноябрь – декабрь 1917 г.) [1] практически полностью был арестован и осужден на известном процессе 1922 г. Из 20 членов ЦК только трое – В. М. Чернов, В. М. Зензинов и Н. С. Русанов – сумели эмигрировать, из 5 кандидатов в члены ЦК – только один (В. В. Сухомлин). Таким образом, возможность легальной эмиграции с территории Советской России для эсеров практически отсутствовала. Преимущественно они покидали страну с территорий, контролируемых антибольшевистскими правительствами (В. М. Зензинов, Н. Д. Авксентьев, А. А. Аргунов, Е. Ф. Роговский и др.), часть уехала нелегально.

Эсеровская эмиграция оставила большое идейно-теоретическое наследие, в том числе мемуарные и исторические работы (многие из которых не опубликованы), непредвзятое изучение

которых представляет немалый научный интерес. Это касается не только творчества В. М. Чернова, но и целого ряда других социалистов неонароднического толка. За более чем тридцать лет существования правозсеровского зарубежья (до середины 1950-х гг.) на свет появилось великое множество изданий, составивших один из самых больших эмигрантских комплексов [2]. Как отмечает В. Л. Кожевин, «для авторов, волею судеб эмигрировавших из России, безусловно важна была психологическая компенсация, возможность какой-либо предоставляло обращение к пережитому» [3].

С другой стороны, работа над историей партии представлялась и как важный элемент объединения имеющихся партийных сил, сплочения эмиграции. Весьма характерно мнение по этому поводу эсеровского ветерана О. С. Минора, подробно высказанное в его переписке с другим известным деятелем ПСР – С. П. Постниковым. 7 января 1930 г. Минор пишет Постникову в Прагу: «На днях получил Ваше письмо о Вашем соглашении с Василием Васильевичем о подготовке истории [партии] [социалистов] [революционеров]. Что до меня, то могу лишь приветствовать принятое вами решение. Необходимость такого труда вытекает, конечно, не только из того, что роль партии извращается историками, непосредственными участниками революции, которые всякий на свой салтык ее излагает, глядя на события только из своего угла, как это сделал Миллюков, Мартов в своей истории Общественных движений, и даже Керенский, не говоря уже о Суханове, Теодоровиче и других, но и потому, что, будучи изложена партийными людьми, может быть удастся наметить и то, что надо будет делать в ближайшем будущем нашей партии, если жизнь нас вновь как-нибудь вытолкнет на арену истории. И вот это последнее мое соображение делает меня энтузиастом Вашего предприятия. Но есть и еще одно соображение: может быть, создание истории нашей партии СОВМЕСТНЫМИ усилиями всех социалистов-революционеров создаст новую возможность более мирной и толковой между нами жизни и работы» [4]. Проект еще обсуждался некоторое время, но не был осуществлен, как и другие попытки написать историю партии.

Работы о революции и Гражданской войне в подавляющем большинстве носили мемуарный характер. Собственно исторических исследований, вышедших из-под пера правых эсеров, практически не было. В то же время этот вопрос обсуждался в партийной среде, и неоднократно. Мешало отсутствие средств – так, А. Р. Гоц писал В. М. Чернову 2 февраля 1922 г., что «когда создаешь, что проживаешь последние гроши, невольно начнешь сугубо взнуздывать свои устремления. Такие вещи, как Вещичка об “Учредительном собрании” или “история п.с.-р.”, сейчас нам не по карману» [5].

Вновь эта тема была поднята в 1925 г., когда Заграничная Делегация ПСР в письме Центральному бюро отмечала, что «здесь выходит много историческ[ой] литературы, касающейся только что прожитой нами эпохи. Единственно только мы ничего серьезного не делаем в этом отношении. Много ведь и б[ольшевик]ки выпускают в этой области. Для исправления этого пробела мы предполагаем выпускать “Исторический сборник”. Подготавливаем № 1. Мы не можем выпускать здесь сборники, посвященные какой-либо эпохе, одному вопросу истории – [социалисты]-[революционеры] и б[ольшевик]ки, сиб[ирская] эпопея и т[ак] д[алее]. Недостает многих участников каждого из периодов. Поэтому решили № 1 составить примерно так, чтобы каждый писал о том, что лучше знает: политика м[инистерств]ва земледелия в 1917 г.; подготовка и работа Учредительного собрания; Уфимское и Челябинское совещания; наша политика на Дальнем Востоке; Закавказье в 1917 г.; Комуч; война и [социалисты]-[революционеры]; предфевральские дни; большев[ики] в Финляндии; гор[одская] Петр[оградская] дума и Корнилов. Во всех этих статьях должна указываться наша политика, наша позиция. Примите и вы участие» [6]. Предполагались и исследовательские статьи. В данном случае средства у заграничных эсеров имелись, но помешали, очевидно, иные обстоятельства. В 1928 г. в Париже на заседании II съезда Заграничных организаций ПСР С. П. Постников в докладе о деятельности Заграничной Делегации партии с горечью отмечал: «Партийный архив находится в полной сохранности в надежном месте, под замком. Богатейший архив, который, к сожалению, никем не разрабатывается» [7].

Свою концепцию истории партии эсеров после Октябрьской революции представила в 1922 г. Заграничная Делегация ПСР. Причиной этому послужила широкая антиэсеровская кампания, развернутая в Советской России весной и летом 1922 г. вокруг судебного процесса над ЦК ПСР и партийными активистами. Заграничные эсеры уже 7 марта 1922 г. создали в Берлине комиссию по ведению кампании в связи с процессом в Москве [8]. Среди многочисленной печатной продукции, изданной Заграничной Делегацией, выделяется сборник «Двенадцать смертников», в приложении к которому правые эсеры представили очерк истории ПСР после Октябрьской революции [9]. Он стал своеобразным ответом на обвинения в адрес социалистов-революционеров, прозвучавшие в Москве.

Эсеры предъявили большевикам контробвинения и категорически отрицали свою вину в инкриминируемых им преступлениях. Большевики обвинялись в вооруженном диктате и репрессиях по отношению к социалистам, арестах, закрытии эсеровских газет и типографий, роспуске антибольшевистских Советов. Свое поражение в Гражданской войне эсеры объясняли заговорами буржуазно-монархических групп, синхронно с большевиками напавших на демократические силы в Поволжье и Сибири. Цитируя решения IX Совета, Заграничная Делегация доказывала, что ПСР прекратила вооруженную борьбу с большевиками и сосредоточила все свои силы на борьбе с реакцией [10]. Приведенные факты, указывалось в заключении, вполне достаточны для опровержения «клеветнических измышлений» большевиков.

С оценками Заграничной Делегации ПСР были солидарны известный немецкий социал-демократ К. Каутский и русский меньшевик В. С. Войтинский, представившие свои статьи в сборнике «Двенадцать смертников». По мнению К. Каутского, большевики первыми применили насилие по отношению к другим социалистам и разогнали Учредительное собрание потому, что признали свое бессилие в попытках привлечь на свою сторону большинство пролетариата и крестьянства методами пропаганды. В таких условиях оппозиции оставалась только одна форма открытого политического выступления – гражданская война [11]. В. С. Войтинский указывал, что суд над эсерами в Москве – последнее звено в длинной цепи преследований социалистов в Советской России, которые начались сразу же после захвата власти большевиками [12].

Концепция истории ПСР, представленная Заграничной Делегацией, носила преимущественно рекламный характер и умалчивала о некоторых существенных сторонах партийной жизни. Не упоминалось о репрессиях, к которым прибегали сами правые эсеры в эпоху Комуца, оставался в тени вопрос о партийных расколах, тактических ошибках партии, имевших серьезные последствия. В своем кругу, как отмечалось выше, эсеры высказывались гораздо откровеннее. Издания же, ориентированные на широкие круги западного общества (сборник «Двенадцать смертников» был переведен на немецкий, английский, французский и чешский языки), создавали впечатление, что в плачевном положении ПСР в Советской России повинны исключительно большевистские репрессии. Столь же рекламный характер носил очерк В. М. Чернова об истории ПСР, подготовленный для несостоявшегося издания Ф. Адлера «Handbuch des Sozialismus und der Arbeiterbewegung». Впрочем, В. М. Чернов в 1920–30-е гг. многократно обращался к истории ПСР, но ни одна из этих попыток не была доведена до логического конца.

Размышления об историческом пути ПСР звучали на конференции пражской группы социалистов-революционеров 1931 г. Материалы этой конференции являются ценным источником для понимания эволюции программных установок партии социалистов-революционеров в эмиграции в 1920–30-е гг. [13] В ее работе принимали участие такие известные деятели партии, как Е. Е. Лазарев, В. Г. Архангельский, С. П. Постников, И. А. Якушев и др. (Чернов, находившийся в то время также в Праге, не был приглашен на конференцию из-за конфликта различных частей Заграничной организации ПСР).

Вопросы истории партии не находились в повестке дня, однако так или иначе затрагивались докладчиками. Более того, отношение пражских эсеров (среди которых были представители разных партийных течений) к прошлому партии социалистов-революционеров, особенно событиям 1917 г., являлось довольно критическим. Это было заметно во время обсуждения вопроса о политическом строе России после большевизма (доклад С. Н. Николаева и Е. Е. Лазарева). Так, И. И. Калюжный, размышляя о причинах поражения ПСР, отметил ошибочность поддержки эсерами советов. По его мнению, «Временное правительство, государственная власть, ответственная за свои действия перед страной, оказалась фикцией, лишенной всякого значения и силы. Фактическая власть была у безответственной частной политической организации – у советов. И партия с.-р., находясь еще в зените своего значения и влияния, не только допустила такое развитие советов, но и способствовала ему». Вывод Калюжного вполне определен – «партия с.-р. оказалась негосударственной и несостоятельной логически. Если она сознательно и способствовала всем своим поведением фактическому захвату власти советами, она должна была бы сделать соответствующие выводы – возложить на советы и ответственность, устранить временное правительство и установить единовластие» [14]. Напротив, эсер Я. Г. Лозовой видел проблему партии именно в уходе в государственные дела: «Партия государство никогда не отрицало. Можно утверждать обратное: в 1917 г. партия слишком ушла в “государственность”. Задачи общегосударственные, защита границ (оборончество) от внешнего врага, охрана правопорядка и права внутри страны и т. д. были в России во время революции задачами доминирующими, в ущерб политическим задачам партии как таковой» [15]. «Партия отстаивала государство как программный пункт, – подчеркивал Лозовой, – но, к сожалению, в партии не было решимости отстаивать свои задачи и цели, не было воли, а главное людей». Дискуссии такого рода шли в партии и в 1917 г., и в эмигра-

ции; фактически они продолжают и в современной исторической науке. Видимо, рациональные моменты есть и в той, и в другой позиции – с одной стороны, эсеры действительно превратились в 1917 г. из демократов в «государственников», однако эта эволюция была неполной и не затронула всю партию, с другой стороны, недооценка государственных институтов и переоценка массовых организаций (а в XX в. трансформация общества проходит через государство) привела ПСР к кризису.

Наибольшее внимание причинам поражения ПСР уделил в своем докладе на пражской конференции С. П. Постников (1883–1965), опытный социалист-революционер, в 1917 г. депутат Учредительного собрания, гласный Петроградской думы и секретарь редакции главного партийного печатного органа – газеты «Дело народа». Постников вообще отличался вниманием к партийной истории. Тогда же, в статье 1931 г. он подвел некоторые неутешительные итоги изучения истории ПСР в послеоктябрьский период: «Наш центральный комитет последнего состава сознавал всю необходимость скорейшего составления истории партии. На одном из своих заседаний в 1919 г., когда еще большинство членов его, хотя и нелегально, но еще были на свободе, ЦК рассмотрел и утвердил программу, по которой должна быть составлена история партии. Были распределены и статьи между авторами. Но, к сожалению, большинство вскоре были арестованы и лишены возможности работать (...) В с-ровской эмиграции было несколько попыток издания исторических сборников. Но партийная неурядица каждый раз препятствовала осуществлению этого дела, казалось бы никакого отношения не имеющего к фракционным раздорам. За последние годы мною подготавливается материал для работы по составлению истории партии. Но эта работа удовлетворительно, конечно, не может быть выполнена индивидуальными силами.

Зимой 1930 г. Минором, Сухомлиным и мною составлена примерная программа истории ПС-Р, причем предложено выпустить два тома, приблизительно по 20 листов каждый.

Первый том предполагается посвятить собственно истории партии и второй том – ее мирозерцанию, теории и отдельным видам работы. Успех работы по составлению и изданию истории будет зависеть от того, насколько заграничные эсеры, вне зависимости от своих группировок, сочтут ее своим общим делом» [16].

В выступлении на пражской конференции 1931 г. Постников обратил внимание на проблему соотношения программы и тактики партии в 1917 г., а также на состояние партийных кадров. Он отмечал: «Итак, наша программа была хороша. Но почему же все-таки мы потерпели в революции разгром и поражение. По этому поводу следует вспомнить известную фразу Чернова, сказанную им еще в полемике с «искровцами»: “Мы-то, может быть, и плохи, но программа наша хороша”. Чернов, конечно, тогда и не подозревал, сколько правды окажется в обеих частях его фразы в эпоху революции 1917 г. За нашу программу голосовал чуть ли не весь народ, но мы не сумели использовать это и провести свою программу, оказавшись плохими политиками и тактиками» [17]. И далее Постников обобщил причины неудачи партии – «преимущество большевиков было в том, что они имели почти гениального тактика и организатора в лице своего лидера Ленина, в то время как у нас, с одной стороны, был лидером только теоретик Чернов, а с другой стороны, Керенский, главный герой февральской революции, хотя и политический тактик, но органически не связанный с партией и часто действовавший в порядке индивидуальном» [18]. Ярким примером стала позиция ПСР в эпоху Брестского мира, «когда партия в угоду принципам совершенно не считалась с реальной действительностью. Если бы партия действительно хотела бы, чтобы Учредительное Собрание имело возможность работать по восстановлению страны и по проведению требований революционной демократии, то прежде всего надо было заключать какой-то “модус вивенди” с немцами...» [19]. Из этого опыта партия должна была вынести очень важный урок – учитывать фактическое соотношение сил при решении политических вопросов, особенно, как подчеркнул Постников, при решении национального вопроса, который, наряду с аграрным, являлся наиболее принципиальным в России.

Главное, что объединяло всю эсеровскую эмиграцию в оценке деятельности партии в годы Гражданской войны, – стремление представить борьбу ПСР как «третий путь», движение за настоящее народовластие, подлинную демократию и социализм. Можно согласиться с историком А. В. Медведевым, утверждающим, что эсеры «не создали более или менее завершенной картины гражданской войны, борьбы классов и партий» [20]. Однако вряд ли верно то, что эсеры стремились «замолчать свою роль в разжигании гражданской войны, нередко шли на заведомую фальсификацию событий и домыслы...» [21]. Бесспорно, социалистам-революционерам, как и всякой другой партии, было свойственно желание оправдать свои действия. Однако нет оснований обвинять их в заведомом искажении фактов. Более того, в отдельных работах эсеров встречается резкая критика деятельности ПСР в 1917–1918 гг., откровенно признаются крупные и «роковые» ошибки партии [22].

С 1930-х гг. эмигрантских исследований по истории ПСР стало гораздо меньше. Сказались многочисленные конфликты, сотрясавшие партию правых эсеров за границей, общее ухудшение положения выходцев из России в Европе. Парижский съезд (1928 г.) стал последним форумом в истории партии социалистов-революционеров, где были представлены, пусть и не в полном объеме, различные течения в партии социалистов-революционеров. Дальнейшие попытки собрать зарубежных эсеров и наладить общепартийную работу оказались безуспешны. На конференции пражской группы ПСР 1931 г. И. А. Якушев отмечал, что «связь с Россией оборвалась, ЗД практически не существует, во всяком случае общепартийной работы не ведет, отсутствует и центральный орган». Угасает и издательская деятельность партии. Журнал «Революционная Россия» перестал выходить в Праге в 1931 г. (на № 77/78), «Воля России» и «Социалист-революционер» прекратили свое существование в 1932 г. Только в Париже в 1933–1936 гг. группе эсеров под редакцией В. В. Руднева удалось выпустить шесть номеров журнала «Свобода».

В целом эсеровские (как и меньшевистские) авторы, признавая свои политические ошибки, главной причиной поражения все же считали слабость тех общественных сил, на которые мог опереться в России демократический социализм. Социальной опорой демократии социалисты-революционеры считали «трудящийся класс» (рабочие, крестьяне, интеллигенция), а социал-демократы – пролетариат. Неудачный для социалистических партий исход российской революции был связан в первую очередь с тем, что эти общественные классы не успели в полной мере сформироваться и достигнуть необходимой степени зрелости. Их борьба против большевизма всегда имела существенные самоограничения и почти никогда не была последовательной.

Версии эмигрантской историографии и мемуаристики о причинах поражения эсеров оказали влияние на развитие зарубежной исторической науки. До сих пор эта тема не стала предметом специального исследования. Между тем утверждения социалистов-революционеров-эмигрантов о «подлинно крестьянском, народном» характере их партии активно использовались западной исторической наукой, особенно в 1950-е гг. Зарубежная историография социалистических партий также прошла сложный путь, меняясь как под воздействием текущих событий (прежде всего, холодной войны), так и под влиянием метаморфоз внутри самой исторической науки. Важным корректирующим фактором было воздействие советской историографии, противостояние двух идеологически полярных мировоззрений, «стартовавшее» сразу после Октябрьской революции. Эмигрантская либеральная и социалистическая литература, педалируя идею «искусственности» прихода большевиков к власти, признавая права на подлинность лишь за революцией Февральской, серьезно воздействовала на послевоенную западную, прежде всего американскую, русистику 1950-х гг. В годы холодной войны именно этот образ – противопоставление двух революций – утвердился в академических кругах и общественном сознании Запада.

Примечания

1. Краткий отчет о работах Четвертого Съезда Партии социалистов-революционеров (26 ноября – 5 декабря 1917 года). Пг., 1918. С. 152.
2. Базанов П. Н. Издательская деятельность Заграничной делегации партии социалистов-революционеров: на материалах Бахметевского архива (США) и ГАРФ (Россия) // Политические партии России: прошлое и настоящее: материалы конф. СПб., 2005. С. 263–273.
3. Кожевин В. Л. Историк – очевидец событий: «ситуация пограничья» // Мир историка. XX век. М., 2002. С. 79.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 6065. Оп. 1. Д. 63. Л. 4.
5. Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 9. Folder 3.
6. Ibid. Folder 6.
7. ГА РФ. Ф. Р-6108. Оп. 1. Д. 24.
8. Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М., 2005. С. 245–257.
9. Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве. Берлин, 1922.
10. Там же. С. 115.
11. Каутский К. Московский суд и большевизм // Двенадцать смертников. С. 9.
12. Вейтинский Вл. Суд над социалистами-революционерами в Москве // Двенадцать смертников. С. 23.
13. Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. / публикацию подготовили А. П. Новиков и А. Ю. Суслов // Вопросы истории. 2014. № 8. С. 3–26; № 9. С. 3–15; № 10. С. 3–14; № 11. С. 3–18; № 12. С. 3–19; 2015. № 1. С. 3–15.
14. Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 28. Folder 11.
15. Ibid.
16. Постников С. П. К истории Партии социалистов-революционеров // Социалист-революционер. Париж. 1931. № 3. Январь. С. 6–7.
17. Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 28. Folder 11.

18. Ibid.
19. Ibid.
20. Медведев А. В. Большевики и неонародники в борьбе за крестьянство в годы гражданской войны, октябрь 1917–1920 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 1994. С. 39.
21. Там же. С. 39–40.
22. См.: Сухомлин В. В. Политические заметки // Воля России. Прага, 1928. № 10–11. С. 156–167.

Notes

1. *Kratkij otchet o rabotakh Chetvertogo S'ezda Partii sotsialistov-revoljucionerov (26 noyabrya – 5 dekabrya 1917 goda)* [A brief report on the work of the Fourth Congress of the Party of socialist revolutionaries (26 November – 5 December 1917).] Pg., 1918. S. 152.
2. Bazanov P. N. *Izdatel'skaya deyatel'nost' Zagranichnoj delegatsii partii sotsialistov-revoljucionerov: na materialakh Bakhmetevskogo arkhiva (SSHA) i GARF (Rossiya)* [Publishing activity of the Foreign delegation of the party with the professional revolutionaries: on the materials of the Bakhmeteff archive (USA) and GARF (Russia)] // Political parties of Russia: past and present. SPb., 2005. Pp. 263–273.
3. Kozhevnikov V. L. *Istoriya – ochevidets sobytij: «situatsiya pogranič'ya»* [Historian, eyewitness: "borderland"] // The World of the historian. Of the twentieth century. M., 2002. S. 79.
4. *Gosudarstvennyj arkhiv Rossijskoj Federatsii (GA RF)* [State archive of the Russian Federation (GA RF)]. F. 6065. Op. 1. D. 63. L. 4.
5. Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 9. Folder 3.
6. Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 9. Folder 6.
7. GARF. F. P-6108. Op. 1. D. 24.
8. Morozov K. N. *Sudebnyj protsess sotsialistov-revoljucionerov i tyuremnoe protivostoyanie (1922–1926): ehika i taktika protivoborstva* [The trial of the socialist revolutionaries and the prison confrontation (1922–1926): ethics and tactics of resistance]. M., 2005. S. 245–257.
9. *Dvenadtsat' smertnikov. Sud nad sotsialistami-revoljucionerami v Moskve* [Twelve bombers. The trial of the socialists-revolutionaries in Moscow]. Berlin, 1922.
10. Ibid. S. 115.
11. Kautsky K. *Moskovskij sud i bol'shevizm // Dvenadtsat' smertnikov* [Moscow court and Bolshevism // Twelve bombers]. P. 9.
12. Voitinsky V. L. *Sud nad sotsialistami-revoljucionerami v Moskve // Dvenadtsat' smertnikov* [The trial of the socialists-revolutionaries in Moscow // Twelve bombers.] P. 23.
13. *Konferentsiya Prazhskoj grupy partii sotsialistov-revoljucionerov 1931 g. / Publikatsiyu podgotovili A. P. Novikov i A. Y. Suslov* [The Prague conference of the group of the party of socialists-revolutionaries 1931 / Publication prepared by A. P. Novikov and A. Y. Suslov] // Questions of history. 2014. No. 8. С. 3–26; No. 9. С. 3–15; No. 10. С. 3–14; No. 11. Pp. 3–18; No. 12. Pp. 3–19; 2015. No. 1. Pp. 3–15.
14. Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 28. Folder 11.
15. Ibid.
16. Postnikov S. P. *K istorii Partii sotsialistov-revoljucionerov* [To the history of the party of socialists-revolutionaries] // Socialist-revolutionary. Paris. 1931. No. 3. Jan. Pp. 6–7.
17. Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 28. Folder 11.
18. Ibid.
19. Ibid.
20. Medvedev A.V. *Bol'sheviki i neopopulizm v bor'be za krest'janstvo v gody grazhdanskoj vojny, oktjabr' 1917–1920 gg.* [the Bolsheviks and neopopulist in the struggle for the peasantry during the civil war, October 1917–1920: dis. ... Dr Hist.Sciences.] Nizhny Novgorod, 1994. S. 39.
21. Ibid. Pp. 39–40.
22. See: Sukhomlin V. *Politicheskie zametki* [Policy notes] // Will Russia. Prague, 1928. No. 10–11. Pp. 156–167.

УДК 930.1“1941–1945”

Е. П. Емельянов

Деятельность Н. В. Устюгова в годы Великой Отечественной войны

В статье рассматривается деятельность советского историка Н. В. Устюгова (1896/97–1963) в период Великой Отечественной войны. Характеризуются боевой путь Устюгова и его военная карьера. Отмечается, что одной из основных сфер деятельности специалистов-историков в годы войны стала агитационно-пропагандистская работа. Показывается, что лекции, проводившиеся Устюговым для бойцов Красной армии, выходили за рамки простой военной пропаганды и носили просветительский характер. Отмечается, что многолетний отрыв от исследовательской работы не прервал научно-педагогической деятельности